

**Борис
ГУЩИН**

г. Петрозаводск

Байк-мемориз плюс

Школьная стенгазета

Зима 1955–1956 г. Я учусь в 8 классе. В школе выпускалась стенгазета. Обычно это делали старшеклассники. Но подошла и очередь восьмиклассников. Я уже не помню, как и за что выпускающим назначили меня. Может, за то, что по русскому у меня часто были пятёрки. Да и читал я много. С моей напарницей Галей Вальковой всё было ясно. Она прекрасно рисовала, в том числе шаржи, даже иногда похоже. Материал для газеты мы должны были собирать сами. Конечно, никто ничего нам не дал, кроме нескольких учителей с какими-то короткими сухими заметками. У нас они никуда не пошли.

Подошел срок выпуска газеты. Директор Солон Дмитрийевич с утра запустил нас с Галкой в свой кабинет, обеспечил всем необходимым и сказал, чтобы к вечеру газета была готова. Мы пригорюнились. Я говорю:

– Галя, давай пропечатаем опозданцев, хулиганствующих, косноязычных и т.д. Я что-нибудь срифмую, а ты нарисуешь.

Галя согласилась, и к вечеру у нас была готова целая простыня. К сожалению, ничто не запомнилось, кроме двух кусочков.

*В коридоре на стене масса выключателей.
Привлеку учителей вот таким занятием:
Одну кнопочку нажал, а затем другую –
Свет горит и не горит. Я не озорую.
Раз и два, раз и два – весело живётся!
Отвечать за это мне всё равно придётся!*

*Пришёл. Народищу полно.
Идёт мировское кино.
И дело там выходит прямо:
Один пацан, ну, этот самый.
Как даст, ну, как его...
Соображаешь? Мирово!*

Вечером мы вывесили газету. Мне кажется, что она пользовалась успехом. Наши герои даже пару раз стукнули Галку. Однако больше газет делать нам не поручали. Галина Павловна Валькова (1941–2014) стала профессиональным художником.

Дядя Миша

Физика Михаила Ивановича Буянова в нашей школе за глаза все звали дядей Мишей. Его преподавание физики отличалось комическим отвращением к своему предмету. Например, об инерции он говорил приблизительно так:

– Барыня в трамвае едет. Ни за что не держится.

Трамвай резко затормозил. Упала барыня. Ай-яй-яй! Инерция. Тьфу! Что за физика... Разве это физика! Вот только в 10 классе вы дойдёте до настоящей физики. Квантовая механика! Квантики так и бегают, так и бегают. Ха ню! Ха ню! – так дядя Миша произносил известную формулу из квантовой механики.

Действительно, рассказ об основах квантовой механики на последних двух уроках в 10 классе был поэмой, лучом света в дяди Мишиной физике. Но занимал он всего два часа.

В наши умственные способности дядя Миша не особенно верил. Предрекал самое большее техникум. И то единицам.

– Ты не эхни, кума. Ты не ухни, кума.

Я не с кухни, кума. Я из техни-ку-ма.

Дорогой Михаил Иванович, из 24 учеников нашего класса восемь поступили в вузы. Для школьников из лесного посёлка, я считаю, совсем неплохо.

Апельсины

7 ноября 1958 г. 41-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Посёлок Умба Мурманской области. В июне мы окончили 10-й класс и разошлись кто куда. Шестеро из нас, поддавшись призывам партии и комсомола, отправились на стройки Заполярья – строить станцию Ждановка в районе Никеля; семеро уехали из посёлка навсегда; в вуз поступила только наша медалистка Томка Филохина; нас осталось работать в посёлке десять выпускников 10 а.

Я второй месяц работал в ремонтно-механической мастерской леспромхоза учеником автоэлектрика, Оля катала по эстакадам доски в вагонетках лесозавода.

В советские времена был такой обычай – в праздничные дни в конторе предприятия было круглосуточное сменное дежурство одного из сотрудников у телефона: мало ли что может случиться – враг не дремлет.

Вот Оля и была обязана сидеть весь день в конторе биржи пиломатериалов. Я решил её навестить, зная её и так весьма мрачное настроение.

В 1956–1958 годах ученики вечерних школ оказались под колоссальным влиянием фильма «Весна на Заречной улице». Ученики толпами побежали жениться на своих учительницах. Ладно бы только молодёжь... Олиной маме, любимой нами всеми историчке Серафиме Алексеевне было 40 лет; она была уже два раза замужем, имела четверых детей, младшему было 5 лет. И вот в неё-то влюбился её ученик Андрей, который был моложе её на 15 лет. Они стали жить вместе. Общественное мнение единодушно осудило этот мезальянс. Из школы Серафиме Алексеевне пришлось уйти безвозв-

ратно. Для справки: Серафима Алексеевна с Андреем дружно прожили больше 30 лет.

У нас в посёлке тогда появились сочные апельсины, каждый из которых был завёрнут в папиросную бумагу с надписью «ISRAEL». Я купил огромную авоську апельсинов и отправился к Ольге. Ольга мне страшно обрадовалась, и мы, почему-то всё время хохоча, умяли эту авоську.

Прошло 30 лет. Звонок в дверь. Открываю. Маленький мальчик лет пяти:

– Вы Борис Александрович Гущин?

– Да, я.

– Вас внизу на лавочке ждёт моя мама.

– А кто твоя мама?

– Ольга Васильевна Смирнова.

– Извини, мальчик, я такой не знаю.

И захлопнул дверь.

Через пару минут снова звонок:

– Раньше фамилия моей мамы была Круглова.

Я бегом по лестнице.

На лавочке сидела пополневшая, постаревшая, еле узнаваемая Ольга с тремя сыновьями. Четвёртый служил в армии под Вилгой, и все они приехали его навестить.

После обниманий и «где ты раньше была» Ольга сказала:

– Можно нам у тебя переночевать?

– Конечно.

После паузы Ольга очень серьёзно говорит:

– Боря, а ведь ты мне жизнь спас.

Я засмеялся:

– Оля, что ты говоришь? Уж чью-чью, а твою-то никогда в жизни не спасал.

– А помнишь апельсины там в конторе? Я ведь на дежурстве собиралась повеситься. У меня всё для этого было взято.

Автора! Автора!

Летом 1964 г. я был в родном посёлке Умбе (кстати, тогда наш посёлок короткое время назывался Лесным). В один прекрасный день у клуба через всю улицу закрасовался баннер: «20 мая 1964 г. в 18 ч. в клубе им. Дзержинского состоится встреча со Станиславом Панкратовым, автором книги «Солнечный ветер». Мурманск, 1964».

Рабочие парни и студенты-умбляне начали кучковать и советоваться, как бы лучше этому автору набить морду. На взгляд мужской части умбской молодёжи, было за что.

Сотрудник областной газеты «Комсомолец Заполярья» Станислав Панкратов летом 1962 года пешком прошёл весь Терский берег и написал об этом лёгкую, светлую, романтическую «шестидесятническую» книгу. Там и Андрей Вознесенский, и Арсений Тарковский, и любовные письма некой квазиинтел-

лигентной девушки к своему «Мамалюку» (мне кажется, что письма придумал сам С. Панкратов).

За что же этакому лирику-романтику мы все собралась начистить лицо?

А вот за что.

Цитирую из главы под названием «Лесной», где правдивой информации о посёлке, дай бог, процентов 10, а остальное дикий бред, на наш взгляд.

«Поторчал у клуба, где под па-де что-то толпились пары. Лесные феи в лёгких платьях и капроне – леспромхозовская романтика. Парни – суровые Ромео – в сапогах и рабочих куртках.

Под влиянием некой переводчицы Татьяны умбьянки стали отказывать парням на танцах, пока они не оденутся прилично. Те побежали в раймаг требовать модные костюмы и «мокасы» (модные ботинки) с угрозами мужчине – директору магазина».

Заявляю при всём народе: в конце 1950-х – начале 1960-х гг. ни один «суровый Ромео» не появлялся у нас на танцплощадке в сапогах и рабочей куртке. А в раймаге постоянно принимали заказы на модную одежду и обувь. Кстати, раймагом тогда заведовала моя мама.

Умбские ребята выглядели на танцах вполне стильно.

Так что руки наши чесались на автора вполне логично.

Автор почему-то не приехал.

Когда Станислав Александрович стал работать в журнале «Север», я рассказал ему о готовящейся встрече. Он засмеялся и на моём «Солнечном ветре» надписал: «Борис, милый, не встретились в Умбе – встретились в Кихах. Мир тем и хорош – что тесен. Станислав. 20.06.75».

У нас оказались рядом дни рождения: у него 23 мая, у меня 24-го. Одно из наших рождений мы отметили вместе на острове Кижы.

Писатель Станислав Александрович Панкратов (1935–2005) похоронен на острове Кижы.

Я пишу стихи

Писанием стихов я никогда серьёзно не занимался. Разве что иногда добровольно-принудительно что-то сочинял для стенгазеты.

В студенческие годы я с удовольствием ходил на университетское литобъединение, которым руководил незабываемый Леонид Яковлевич Резников. Мыслей писать стихи в голове у меня не было до тех пор, пока в 1964 г. к нам в лито не пришёл Юрий Линник, сразу заявивший о себе как настоящий профессиональный поэт. На какой-то период он стал моим любимым поэтом. Меня под влиянием общения с ним тоже потянуло к перу. Какому графоману покажется, что он пишет плохие стихи! Я

набрался смелости и решил прочесть несколько своих стихов Ю.Линнику. Из полутора десятков стихов сейчас я могу вспомнить лишь два, и то фрагментарно. Вот куски одного из них.

Петрозаводский университет

*Дождь. Слякоть. Ветер.
 Был. Ждал. Ушёл.
 Где ты? Тебя я не встретил.
 В целом городе не нашёл.
 Яркий свет ресторана.
 Длинный бутылок ряд.
 «Жигулевское» из-под крана.
 Тупой бессмысленный взгляд.
 Стены – хаос синих пятен.
 Красные морды рож.
 Вопль абстракции мне понятен:
 Стал на Поллака я похож.
 Три окурка в остатках подлив.
 Снова взгляд, но уже не тупой.
 Чёлка до носу. «Девочка, чьи вы?» –
 «Ха! Не важно. Побудьте со мной».
 ... Дождь. Слякоть. Ветер.
 Денег в кармане нет.
 Вновь я тебя не встретил.
 Вновь – университет.*

Линник меня выслушал, помолчал и припечатал:
 – Знаешь, старичок, не твоё это дело писать стихи. Не пиши больше.

Я послушался. Разорвал написанное без особого сожаления и больше, слава богу, никогда не писал стихов.

Проводы

Это произошло в начале 1960-х, когда студентов забирали в армию со всех курсов, в том числе и с первого. В нашу комнату поселили весёлого первокурсника, украинского хлопца Женю, который сразу же впился в нашу компанию. К сожалению, наша дружба внезапно оборвалась. Жене пришла повестка. И мы в означенный час пошли провожать нашего друга на сборный пункт в Парк пионеров (теперь Губернаторский парк).

Естественно, что у нас с собой было. Мы выпили и дружно запели, зажигая всю публику.

*Как родная меня мать провожала,
 Тут и вся моя родня набежала:
 И куда же ты, Ванёк, ах куда ты,
 Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
 В Красной армии штыки чай найдутся;
 Без тебя большевики обойдутся.*

Вскоре новобранцев увели на поезд, мы вернулись в общежитие. Под утро стук в дверь. Открываем – Женя.

– Ты откуда?

– От верблюда. Я по пути притомился, лёг на лавочку... ну и... в общем, поезд ушёл без меня.

Через некоторое время пришёл человек из военкомата и сказал, что Женю отправят следующим потоком. Жене как раз пришло несколько посылок с фруктами, и он успешно при нашей помощи реализовал их на рынке.

Настал час «Ч». «И повторилось всё как встарь». Как в зеркале. Только в нашей компании ещё оказался какой-то общительный младший лейтенант.

Под утро стук в дверь. Открываем. Женя с младшим лейтенантом. Оба вдрызг. Это было уже не смешно, но мы ухохотались. Через несколько дней наконец-то Женя тихо и незаметно ушёл в армию.

Сейчас Женя известный украинский филолог-литературовед.

Граната

Мой юморной студенческий друг Толя после университета заочно окончил ещё юридический институт и служил в милиции в одном из райцентров Карелии. Мы не виделись лет 15.

Я приехал в городок и сразу пошёл в милицию. Спрашиваю дежурного:

– Где я могу увидеть Анатолия Ивановича?

– Видите на улице группу милиционеров? Там и Анатолий Иванович.

Подхожу к милиционерам и слышу голос начальника:

– Завтра у нас плановые стрельбы. Анатолий Иванович, вы должны прийти в тир и отстреляться.

– Чем я буду отстреливаться, если вы у меня личное оружие отобрали?

– Возьмёте у лейтенанта Сидорова.

– Я из чужого оружия не стреляю... Знаете что... я хорошо метаю гранаты. Давайте я приду с гранатой.

Я расхохотался. Узнаю друга Толку. Встреча друзей состоялась.

Может, не полетишь?

За время работы на острове Кижы пришлось довольно-таки много полетать на самолёте Ан-2 и вертолётах Ми-8 и Ка-26.

Собрался как-то на остров зимой из аэропорта «Пески». Лететь придётся на малюсеньком вертолёте Ка-26, который сегодня ведёт мой хороший знакомый, отличный и к тому же остроумный лётчик Владимир Гомулькин.

Подхожу к вертолёту. Володя начинает спектакль. Дёргает тросики и говорит:

– Верёвки ни к чёрту не годятся. Порвутся.

Потом начинает пинать колёса вертолёта:

– Видишь – не накачаны. Шлёпнемся на пузо.

Дальше Володя начинает проверять люк:

– Запросто во время полёта может открыться. Почту-то не жалко. Тебя жалко. Может, не полетишь?

– Володя, мне же на работу!

– В общем-то, и у меня работа, а то бы не полетел.

Полетели. Конечно же, долетели и сели, как всегда, отлично.

Благодарная ворона

На острове Кижы летом мы жили в лёгком садовом домике. Чайки, утки, вороны мирно соседствовали с нами.

В ясное солнечное утро я проснулся от нечеловеческого страшного крика и громких частых стуков по крыше и в окна. Я встал и вышел на крыльцо. Бесновалась ворона. Увидев меня и несколько успокоившись, она как-то странно просительно глянула на меня. Я увидел, что на дереве к вороньему гнезду, где сидели три маленьких воронёнка, по ветке подкрадывается соседская кошка Машка. Я прогнал Машку, ворона успокоилась, а я пошёл спать.

Через несколько дней у меня было дежурство по музею. В то утро я должен был быть на погосте к семи. Не выспавшись, в полудрёме я брёл по дороге. Вдруг впереди истошно закричала ворона. Взлетев, она пролетела прямо под моим носом, едва не задев меня своим крылом. Наконец я очнулся. Прямо передо мной дорогу переползала огромная гадюка. Я вспомнил ту ворону. Может, это и была она.

«Профессура»

Одно время мы ездили в экспедиции от музея «Кижы» втроём: Дмитрий Богданов, главный хранитель; Александр Орлов, шофёр, и я. Часто свой полевой обед, особенно в заброшенных деревнях, приходилось готовить на костерке. Но если уж где-то в совхозе или леспромхозе нам попадалась столовая... Мы съедали то, что подадут, не важно, вкусно это или нет, и требовали «Книгу отзывов и предложений». Мы писали благодарность и подписывали её так: «доцент Б.Гущин, аспирант Д.Богданов, водитель А.Орлов». В следующий заход нас ожидал здесь прямо праздничный обед.

Учёных в совхозах и леспромхозах уважали почему-то больше, чем музейщиков, которых иногда называли просто «барахольщиками».

Загадка

Бывая в экспедициях, я столкнулся с одной неразрешимой загадкой. Скажите мне, почему совхозные собаки готовы растерзать вас на куски, а леспромхозовские, наоборот, до обидного не обращают на вас никакого внимания.

Кто знает отгадку – пишите.

Немцы идут!

В конце 1960-х годов в музее «Кижы», на острове, касса для посетителей располагалась под открытым небом. Стоял столик, над ним своеобразный резной грибок, а за столиком сидела кассир – цыганка Нина.

Как-то прохожу мимо и слышу истошный крик Нины: «Немцы идут!» И вижу, как Нина в панике убегает со своего рабочего места. Я в недоумении: что же случилось? Оккупанты на острове?

А объяснилось всё удивительно просто. На остров пришла «Комета», полностью забитая немецкими туристами. Идут иностранные туристы, а у Нины кончились билеты, за ними она и побежала.

Последний былинник

Экскурсии Виктора Ивановича на острове Кижы всегда были своеобразным спектаклем – эссе на темы его богатой событиями жизни. Кижы и всякая там этнография служили для неё лишь тусклым фоном.

Густой, хорошо поставленный голос эссеиста гремел на весь остров. Экскурсанты из других групп, которых вели молодые экскурсоводы, в экстазе перебежали к Виктору Ивановичу.

Зато эти молодые экскурсоводы использовали цитаты из речей эссеиста как пароль во время вечерних встреч:

- Каждый поэт язычник! – Каждый язычник поэт!
- Посмотрите, каким телячьим восторгом напоены эти купола! Чем выше, тем красивее!

Виктор Иванович искренне увлекался фольклором и народным искусством, неплохо знал их. Но, как вы поняли, его слегка заносило.

На ввозе дома Елизарова он вещал примерно следующее:

– В одной из деревень Пудожского района я застал старика, который, как мне сказали, знал былины. Я попросил его спеть. Тот сказал, что должен переодеться в чистое. Переоделся. Спел. И тут же умер!

На проходной музея искали «Книгу отзывов и предложений».

– Виктор Иванович с собой на экскурсию забрал, – сказала дама-методист.

Печка реставраторов

В проектном бюро Карельской реставрационной мастерской назначили начальником молодого архитектора Таню, даму нескандальную, демократичную, с живым чувством юмора. Я этому был рад: Таня была почти что моей ученицей – я её готовил в качестве экскурсовода музея «Кижы».

А в кабинете реставраторов была круглая металлическая печка, которую тут же исписали всякими разностями:

*«Ужель та самая Татьяна?»
«Увы, Татьяна не дитя», –
Старушка молвила кряхтя.*

После одного из посещений реставраторов я тоже решил посоревноваться с Пушкиным и прилежился к печке:

*Реставраторшу люблю:
Сам того не ведаю.
Коль ещё усугублю –
Без штанов забегаяю.*

Высокая поэзия!

Вот портфель, пальто и шляпа

Мой друг Тармо работал в Институте истории, языка и литературы. Будучи как-то в институте по делам музея, я решил навестить друга. Иду по коридору, встречаю его начальника Э.Киуру и спрашиваю:

– Эйно Семёнович, могу я увидеть Тармо Семёновича?

Киуру как-то странно посмотрел на меня и произнёс:

– Пройдёмте со мной.

Мы вошли в пустой кабинет. Учёный подвёл меня к вешалке и сказал:

– Вот портфель Тармо Семёновича, вот пальто Тармо Семёновича, вот его шляпа... А самого Тармо Семёновича я уже вторую неделю не вижу.

Всех закапывают

Одно время больных посетителей глазного отделения Республиканской больницы в Петрозаводске встречало объявление следующего убойного содержания:

«Всех закапывают с 7 до 8».

Хочется думать, что медики имели в виду глазные капли.

Каков оппонент...

Писатель-сказочник Василий Фирсов поехал как-то в Вытегру на научную конференцию, посвященную его любимому Николаю Клюеву, и в пути впервые услышал от коллеги о некоей нетрадиционности наследника древних традиций. Василий начал драку. На конференцию не поехал и с огромным фингалом вернулся в Петрозаводск.

Писатель, скульптор и искусствовед Григорий Салтуп сказал по этому поводу:

– Каков оппонент, таков и аргумент.

Остряк

21 августа 1968 года объединенные войска Варшавского договора вошли в Чехословакию. Пражская весна закончилась.

В конце октября 1968 года я был в Москве и попал на спектакль «Дни Турбиных», посвященный 80-летию МХАТа. Спектакль в постановке Леонида Варпаховского был блестящ. Позже мне было с чем сравнить, через три года я его посмотрел во второй раз: день и ночь, настолько первый был ярче.

Выхожу под впечатлением на Тверскую. Земля дрожит. Идут танки. На днях по радио передавали о каких-то политических сложностях в Румынии. Я подошёл к одному дядьке, похоже, понимающему политическую обстановку, и наивно спросил:

– Куда? В Румынию?

На что дядька мне ответил:

– Ещё одно слово, и пойдёшь со мной.

Это была репетиция парада на Красной площади.

Оттепель закончилась.

Финские удивления

Впервые мы с женой побывали в Финляндии в качестве туристов зимой 1970–1971 г. Мы влюбились в эту страну. Почти всё не как у нас. Много лучше. Удивлялись многому. Одно из первых удивлений – курилка на целлюлозно-бумажном комбинате в Лахти. Какие рабочие курилки были в это время на производстве в СССР! Собиралось там одновременно человек по 20, а то и больше, выкуривали не по одной сигарете и чесали языки. Здесь же – маленький ящик с песком, два удобных кресла и велосипед. Двое покурили – и на велосипеде к станку.

Удивились мы и на приёме в мэрии деревни Иломанси, когда нам подарили по достаточно объёмистому школьному учебнику по истории деревни Иломанси.

Удивила и мемориальная доска в Тампере на доме, где проходила Таммерфорсская конфе-

ренция РСДРП, посвящённая В.И.Ленину, где всегда были цветы. Даже лютой зимой.

В самом музее В.И.Ленина удивил подарок «нашего дорогого Никиты Сергеевича», недавно снятого с должности. Точнее, не подарок, а подарки. С одной стороны, какая-то декоративная доска нижайшего пошиба с изображением вроде бы шалаша в Разливе, а с другой, двадцать графических рисунков Натана Альтмана: В.И.Ленин с натуры.

В следующую поездку наш финский друг Альфред Колехмайнен повёз нас в Суоменлинна (Свеаборг), и тут я решил блеснуть эрудицией и сказать, что вот, мол, у вас в Финляндии и не знают, что великий русский критик В.Г.Белинский родился в 1811 году здесь, в Свеаборге. Альфред опередил меня и на одном из сооружений показал мемориальную доску, посвящённую великому критику.

В финской поездке 1970 г. мы думали: «Ну и что, что у них лучше. Лет через десять и у нас станет так же...»

Петрозаводский пен-клуб

Знакомство с Альфредом Колехмайненом произошло несколько необычно. В Хельсинки мы приехали в этнографический музей «Сеурасаари» с небольшим устным поручением министра культуры КАССР Л.Н.Колмовского. Мы познакомились с директором г-жой Т.-И.Каукконен, и она предложила нам прогулку по музею, спросив, какой язык мы предпочитаем: английский, немецкий, финский, русский не упоминался.

Зная минимум миниморум немецких слов, я всё же предпочёл немецкий. Директор представил нас сотруднику музея г-ну А. Колехмайнену. Тот начал экскурсию. То немного, что я понимал, кое-как тихо переводил моей жене Виоле.

Вдруг гид услышал нашу речь и спросил на чистом русском языке:

– Так вы русские? – и перешёл исключительно на русский.

О себе Альфред рассказал, что он родился в 1923 году в Кишинёве, где его отец был финским консулом. Мама – русская с примесью цыганской крови, и поэтому в семье все говорили на финском и русском. Плюс французский. Немецкий он выучил самостоятельно. Альфред Колехмайнен был этнографом, историком народной архитектуры, реставратором, художником (в том числе театральным), хорошо играл на скрипке. У нас сразу сложилось впечатление, что мы знакомы и дружны с ним всю жизнь. Естественно, что мы пригласили его к нам в Петрозаводск и Кижы.

Летом Альфред приехал в Петрозаводск, вроде бы по туристской путёвке, а вроде бы к нам в гости.

Слегка возмущённый («наприглашали тут») министр культуры Лев Николаевич Колмо́вский провёл с нами профилактическую беседу следующего содержания: к себе домой не приглашать (нас в коммуналке было прописано одиннадцать человек), не подходить к пивным ларькам, а ездить с ним по всем возможным туристским маршрутам, обедать в ресторанах за наш счёт.

– А представительские?

– Никаких.

Всё шло по плану. Но как-то мы шли по улице Красной мимо пивного ларька, где стояла огромная очередь. Слышу, кто-то кричит мне:

– Боб, привет! Сколько кружек тебе взять?

Я, забыв о запрете, машинально говорю:

– Две с повтором.

Через минуту Тармо ставит перед нами пиво. Я представляю ему Альфреда. Тармо представляется:

– Тармо, литературовед.

Скоро к нашему столику присоединяется Эрик – архитектор; Лео и Гена – скульпторы; Лео – биофизик; Пекка – писатель. Скульптор Лео угощает всех вяленой камбалой, которую сам вялил на балконе. К нам всё время подходят какие-то алкаши, обращаясь в основном к Альфреду:

– Мужик, дай рыбки.

– Мужик, дай закурить.

Альфред делится и, сдувая пену с пива, говорит:

– Как у вас в Советском Союзе хорошо, демократично. Если я дал, то и мне дадут. Ведь так? У нас в Финляндии как-то не так.

Барабашки

Я не мучился вопросом, существует ли полтергейст или нет. Я просто не раз с ним сталкивался. Правда, мне больше нравится русское слово «барабашки», придуманное в 90-е годы девушкой-«пэтэушницей», столкнувшейся с этим явлением, чем какой-то там кентервильский полтергейст.

Меня «барабашки» почему-то стали доставать на рубеже тысячелетий. Ни с того ни с сего ночью из розетки выдёргивалась вилка набитого холодильника; вещи сами по себе оказывались на неожиданных местах; скажем, суповые кастрюли в духовке, которой уже месяц не пользовались.

Особенно достали меня «барабашки» в Петербурге. Я приехал туда дней на 10 и остановился в квартире племянника, который в это время жил за городом. Саша познакомил меня с Сергеем, чтобы тот не особо удивлялся новому соседу.

Утром я вышел на кухню и увидел на середине пола довольно-таки большую лужу в виде восьмёрки. Я взял тряпку (помню, что очень долго её искал), вы-

тер лужу и ушёл. Прихожу – снова такая же лужа на том же месте. Начал искать причину. Нет причины. Капать неоткуда.

Утром та же история. Намочил палец. Попробовал. Чистая вода. Вечером та же лужа. Позвал соседа Сергея. Обследовали всю кухню. Неоткуда. Спал плохо. Беспокорно. Утром выхожу на кухню – никакой лужи.

Наверное, сосед напугал «барабашку»...

Мы из американского посольства. Помогите!

Это произошло в 1970-е, годы правления президента Никсона. Стоял жаркий воскресный день. Я фланировал по острову Кижы с повязкой на рукаве «Ответственный дежурный по музею». Ко мне подошли два человека и представились:

– Сотрудники американского посольства. Господин Ели Флем и переводчик Юрий Александрович. Помогите нам, пожалуйста.

Сотрудники посольства рассказали, что они вчера были в Мурманске на открытии памятника союзникам, а по пути в Москву заехали в Петрозаводск с единственной целью – посетить Кижы и ехать дальше. Проблема заключалась в том, что в Петрозаводске им, очевидно, по ошибке, продали билет на рейс Кижы – Петрозаводск, которого вообще нет. А у них всё рассчитано по времени, чтобы попасть на московский поезд. Что делать?

Я не знал. Хорошо, что никуда не уехала в этот день директриса Валентина Матвеевна. Она и подсказала, что выход только один, если он будет – звонить дежурному Совету министров и рассказать ему о случившемся. Что я и сделал. Дежурный попросил меня быть с ним на постоянной связи.

Я с американцами, а сначала в компании и с директрисой, сели в комнате администратора, пили чай, говорили на всякие темы и ждали звонка.

В этот год президент Никсон заговорил о том, что СССР должен вернуть Америке то, что осталось из переданного по ленд-лизу. Я сказал, что могу послать ему посылочку: куртку на меховой подкладке, которую в войну получил по ленд-лизу мой дед; до сих пор ношу и радуюсь. А вот мощные рабочие ботинки пришли в негодность. Я вспомнил, как ходил в них в зимнее время и на снегу чётко отпечатывалось: «маде ин не наше».

– Что это?

– Made in USA.

Посмеялись.

Американцы рассказывали о новых выставках в музее Гугенхайма.

Раздался звонок. Дежурный Совмина сказал, когда в Кижы придёт «Комета» и что в Петрозаводске американцев будет встречать такси, на ко-

тором они доедут до гостиницы, заберут свои вещи и поедут на вокзал. Московский поезд будет задержан минут на 10-15.

Американцы, поблагодарив меня, пошли на причал.

Назавтра выяснилось, что дипломаты приехали в Петрозаводск на сутки раньше, чем собирались, и хотели никак не проявить себя. Не вышло. Возможно, из-за ошибки кассира. Все, кому надо было, узнали. Назавтра чекист, курировавший музей, сказал мне, что я всё сделал правильно.

Американцы прислали мне в подарок каталог Казимира Малевича.

А поймав через несколько лет по радио «Голос Америки», в конце передачи я услышал: «...главный редактор русской службы «Голоса Америки» Ели Флем».

Отцы и дети

В Москве мы часто останавливались у наших друзей на Комсомольском проспекте. Как-то за ужином Анатолий и говорит:

– Вон там, через дорогу, прямо напротив нас, живёт Пахмутова.

Сын Игнат, студент МГИМО, серьёзно занимающийся музыкой, спрашивает:

– Кто это?

Анатолий тут же интеллигентно отреагировал:

– Сейчас как двину!

И двинул бы, если бы не мы, гости.

Конечно, что вам Ковент-Гарден!

В июне 2014 года нам с женой посчастливилось увидеть в Большом театре гастрольный балетный спектакль лондонского театра Ковент-Гарден «Манон» на музыку Ж. Массне. Знаменитый спектакль сэра Кеннета Макмиллана, поставленный ещё в 1974 г. Спектакль, ставший мировой классикой. Балет, конечно же, понравился, но мы почувствовали некую архаичность действия, о чём и переговаривались друг с другом в антракте. Мужчина лет 50, сидевший в ложе рядом с нами, почувствовав нашу провинциальность, спросил, откуда мы, и, узнав, что из Петрозаводска, произнёс:

– Конечно, что вам Ковент-Гарден, у вас такой прекрасный балет.

Белая лошадь

Лето 2014 года. Москва, Столешников переулок. Жара. С женой Виолой мы одни в Столешниках. Я потрясён. Помню Столешники, запруженные народом. Множество магазинов и дешёвых кафе. Всё это есть и сейчас, но дорожее и неподъёмное. Отсюда эта пустота. Только мы, больше никого.

Правда, есть ларек с блинами. Мы решили съесть по блинчику с мясом. Стоим, едим. Вокруг нас звенящая тишина. Вдруг раздаётся топот копыт. Видим, как по пустому переулку идёт красивая белая лошадь, подходит к ларьку с блинами, суёт голову в окошечко, получает блин и уходит.

Это моё самое яркое впечатление жаркого лета 2014 года.

□

Борис Александрович ГУЩИН

(род. в 1941 г.).

Долгое время работал старшим научным сотрудником Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижь».

Историк, этнограф, писатель, театральный критик, член Карельского Союза писателей и Союза театральных деятелей.

Автор книг «Не только о Кижях. (Картинки прошлого, повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний)» (2004 г.),

«Тысяча вторая ночь» (2011 г.),

«Любите ли вы театр?.. А цирк?..» (повести, рассказы, воспоминания, пьеса, отзывы на спектакли) (2015 г.),

«Байк-мемориз» (2019 г.).

Постоянный автор журнала «Север» с 1976 года.

Живёт и работает в Петрозаводске.

В мае автору исполняется 80 лет.

